

© 2018 г.

М.И. КЛЕАНДРОВ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУДИЯ

Клеандров Михаил Иванович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, судья Конституционного Суда РФ в отставке (Москва, Россия) (E-mail: mklean@ksrf.ru).

Kleandrov Mikhail I. — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, chief research scientist of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (Moscow, Russia) (E-mail: mklean@ksrf.ru).

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные вопросы взаимовлияния достижений научно-технического прогресса (далее — НТП) на совокупный организационно-правовой механизм правосудия. Отмечается, что само развитие НТП вызывает к жизни появление качественно новых видов конфликтов, споров, нарушений прав и законных интересов граждан и организаций и правонарушений, в том числе преступлений: с использованием цифровых технологий; в сфере трансплантологии органов и тканей человека; связанных с противоправным использованием специальных научно-технических средств для негласного получения информации, и многих иных, что, в свою очередь, требует адекватного — с использованием достижений НТП — развития различных звеньев механизма правосудия, и не только в области техники. Требуется совершенствование судостроительной составляющей (углубление специализации судов), судопроизводственной составляющей (совершенствование процессуально-процедурных методик, в том числе путём определенного смещения целеполагания судебного процесса), и особенно судейско-статусной составляющей названного механизма. Здесь обосновывается, что для судьи, рассматривающего уголовное, например, дело, чрезвычайно важным является обретение уверенности в доказанности факта совершения преступления именно подсудимым. Помимо косвенных доказательств, а также доказательств относительных, полученных с использованием достижений НТП (посредством применения полиграфа, с использованием медикаментозных средств, под гипнотическим воздействием и проч.), для судьи принципиально значимыми являются доказательства абсолютные, также базирующиеся на достижениях НТП.

По мнению автора, это — в развитии — действующие и широко используемые: метод дактилоскопирования, метод анализа ДНК и пока не действующий и даже пока не открытый метод ментоскопирования, исходным постулатом которого являются сохранение в “глубинах” памяти человека всей поступившей к нему информации через рецепторы его органов чувств и техническая (потенциально) возможность с соблюдением ряда условий воспроизведения её в интересах правосудия на мониторе.

Abstract: the article deals with the problematic issues of mutual influence of scientific and technical progress (hereinafter — the STP) on the overall organizational and legal mechanism of justice. It is noted that the very development of the STP causes in life the appearance of qualitatively new types of conflicts, disputes, violations of rights and legitimate interests and offenses, including crimes: committed with the usage of digital technologies; in the sphere of transplantology of human organs and tissues; related to the unlawful use of special scientific and technical means for secret obtaining information and many others, this, in turn, requires an adequate — with the use of the achievements of the STP — development of various parts of the justice mechanism, not only in the field of technology. It is necessary to improve the judiciary component (the deepening of specialization), the judicial component (the improving procedural techniques, including through a certain displacement of the goal-setting trial) and, especially, the judicial and status component of the mechanism. Here it is justified that it is extremely important for a judge hearing, for example, a criminal case, to gain confidence in the proof of the fact of committing a crime precisely by the defendant. In addition to indirect evidence, as well as relative evidence obtained with the use of achievements of the STP (through the use of a polygraph, with the use of medicines, hypnotic influence, etc.), the absolute evidence, also based on the achievements of the STP, is fundamentally important for the judge.

In the author's opinion, these are — in development — active and widely used: method of fingerprinting, the method of DNA analysis, and not yet valid and even not invented method of mentoscopy. The initial postulate of which is the fact that all information received through the receptors of a person's sense organs is preserved in the «depths» of his memory and a technical (potentially) possibility, with observance of a number of conditions, to reproduce its part in the interests of justice.

Ключевые слова: суд, правосудие, научно-технический прогресс, относительные и абсолютные доказательства.

Key words: court, scientific and technical progress, relative and absolute evidence.

Одной из главнейших функций государства является обеспечение справедливости во всех сферах жизнедеятельности общества. Все без исключения органы государства и их должностные лица в той или иной мере в рамках своего предназначения и в пределах собственных возможностей призваны обеспе-

чивать справедливость в обществе, а в случае обнаружения фактов ее нарушения — быстро и эффективно ее восстанавливать.

А на вершине этой государственной пирамиды, восстанавливающей попорченную справедливость в обществе, находится — в государстве любой

формации — суд, судебная система, судейский корпус. Нет и не может быть государства без суда, и к настоящему времени почти во всех государствах мира суд провозглашен отдельной ветвью государственной власти.

Больше того, суд вершащий правосудие как средство восстановления поправленной справедливости возник еще в догосударственных образованиях и в своем развитии прошел весьма длинный, извилистый и непоследовательный путь. И далеко не везде и не всегда он оправдывал естественные ожидания общества на восстановление поправленной справедливости. Само же чувство справедливости для наших граждан было издревле сакральным: ради нее (“за правду”) шли на эшафот, брались и за вилы...

Поэтому естественной представляется необходимость научного обеспечения развития организационно-правового механизма правосудия на основе и в развитие достижений НТП, что без прогнозирования в этом сегменте в принципе невозможно. Но ведь само прогнозирование — это не только попытка предсказать будущее, но и на основе анализа сегодняшних проблем способ оценить проблемы будущие, прямо вытекающие из решаемых нынешних проблем. Да и метод прямой экстраполяции здесь нередко дает сбой — в случае явления редкого события огромной амплитуды (так называемого “черного лебедя”), которое невозможно было предсказать в принципе, но которое качественно начинает влиять на отдельные векторы будущего развития общества. А это и есть “пиковые” значения НТП, в том числе реализуемые и в правосудии.

Строго говоря, что в принципе делает суд, рассматривая любое дело? Во-первых, он выясняет, “что там было на самом деле”, т.е. старается собрать (чему, кстати, далеко не всегда способствует так называемый принцип состязательности в судопроизводстве — ведь слабая сторона в процессе не может на равных “состязаться” с сильной стороной в предоставлении суду доказательств по делу) и проанализировать доказательства фактических обстоятельств по делу. Этот процесс — сбор и анализ доказательств по делу — регулирует немалое число кодифицированных процессуальных законодательных актов, федеральные законы о правоохранительных, контрольных, надзорных и иных государственных органах, об оперативно-розыскной деятельности и пр. В идеале в деле, находящемся в судебном производстве, должна образоваться объективная, обладающая убедительной доказательственностью информация — “что там было”, в чем корень, причины и основания конфликта.

А во-вторых, этому “что было” суд дает правовую оценку, юридически корректно квалифицирует то, “что было” по данному делу. Этому процессу также посвящено немалое число законодательных актов, в уголовном правосудии центральным из которых является Уголовный кодекс РФ.

Естественно, обоим названным аспектам посвящена соответствующая научная литература, имеется обширная и в основном систематизированная правоприменительная практика. И все это — не только в статике, по состоянию на сегодня, но имеет глубокое историческое сто- и тысячелетнее развитие как во всем мире¹, так и в нашей стране².

Видоизменялась, естественно, и доказательственная база по судебным делам, и ее документальное оформление — того “что было на самом деле”. Это видоизменение соответствовало в основном уровню развития общества, в том числе состоянию уровня НТП в том или ином обществе. Здесь можно проследить несколько этапов. До начала первого этапа — в архидревние времена в ряде случаев доказательства совершения подсудимым преступления (как и доказательства несовержения им инкриминируемого ему деяния) определялись путем назначения судом поединка спорщиков (или их представителей), в ордалиях — испытаниях подозреваемого водой, огнем, железом и т.д. с целью выявления Божьей воли, т.е. в предоставлении суду доказательств по делу от Бога, и т.п. Какие-либо проявления НТП здесь отсутствовали напрочь.

Они реально появились на первом этапе, началом которым, пожалуй, служит открытие дактилоскопического метода. Как известно, немногим более 100 лет назад был “открыт” метод дактилоскопии — выяснилось и было доказано, что капиллярные узоры на пальцах каждого человека уникальны (во всяком случае вероятность их совпадения даже у двух человек ничтожно мала и практической криминалистикой отбрасывается). Научившись снимать отпечатки пальцев у человека и с поверхности самых различных предметов, овладев способом их сравнения и идентификации, эксперты-криминалисты (сейчас уже применяя высокие — электронные — технологии) со стопроцентной уверенностью могут официально сказать: на данном предмете отпечатки именно этого (в контексте рассматриваемого дела) человека.

¹ См., напр.: Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / науч. рук. Г.Ю. Семигин. М., 1999.

² См., напр.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. М., 2003; Яковлев В.Ф., Семигин Г.Ю. Экономическое (коммерческое) правосудие в России: в 4 т. М., 2004—2006.

Или — не его. А это значит, что в факте стопроцентной доказанности конкретного сегмента совокупного доказательственного массива по делу судья может не испытывать сомнений со всеми вытекающими для адекватного судебного решения последствиями. Тогда как немногим более 100 лет назад, до “открытия” дактилоскопии, этот же судья (гипотетически) в идентичных обстоятельствах испытывал бы большие сомнения (доказательственная база была, безусловно, слабее), и наверняка вынесенное им судебное решение было бы менее адекватным содеянному, т.е. “открытие” дактилоскопии значительно сузило рамки судебных сомнений и увеличило уверенность судьи в адекватности содеянному подсудимым вынесенного им судебного решения, и это в немалой мере способствовало совершенствованию механизма правосудия. Более чем столетняя и повсеместная (во всем мире) судебная практика убедительно сказанное подтверждает.

Разумеется, дактилоскопическая идентификация человека с оставленными им на месте или на орудии преступления отпечатками пальцев сама по себе не служит стопроцентным доказательством, что именно оставивший свои отпечатки и совершил данное преступление. Тем более не доказывает (даже не “намекает”) вину (умысел, степень...) оставившего отпечатки. И со стопроцентной же уверенностью можно сказать — даже не подсказывает, о чем он думал и к чему стремился, оставляя эти отпечатки. Дактилоскопия есть средство доказывания в определенном сегменте доказательственной базы — не больше, но средство гарантированно надежное, абсолютное. Достаточно представить себе, как бы осуществлялся розыск преступника, строилась бы система доказательств на предварительном и судебном следствии и оценивались бы доказательства судьей при вынесении им приговора, если бы не было дактилоскопии.

Кстати, она уважаема и в преступной среде, во всяком случае там ее признают абсолютно. Автор сам был свидетелем (работая около 50 лет назад в милиции) огорчительно-восхищенного признания матерого, имевшего несколько “ходов” преступника, которому представили соответствующее дактилоскопическое заключение эксперта — “против науки не попрешь...”. Возможности свести свои капиллярные узоры “на нет”, “одеть перчатки с чужими узорами” и т.п. сам этот метод не меняет.

Второй этап, уже ближе к нашему времени, начался, пожалуй, с полиграфа (он же патометр, смигмограф, вариограф, регистратор стрессов, детектор лжи), разработка и реальное применение

которого начались более полувека назад. Однако в отличие от метода дактилоскопии результаты его применения к абсолютным доказательствам относить не следует, хотя относительная их цельность несомненна. Но это сегодня. С развитием НТП применение данного метода позволит с полной уверенностью ответить на вопрос, врет испытуемый или говорит правду. Углубление же разработок этого метода средствами НТП вполне может привести к тому, что фиксация полиграфом лжи испытуемого в ответе на вопрос автоматически повлечет болевое воздействие на испытуемого (электрошоком, к примеру) с возрастанием амплитуды этого воздействия при продолжении фиксации прибором лжи в ответах. В результате очень быстро у испытуемого образуется стойкий условный рефлекс: будешь врать — будет очень больно. Но поскольку само признание испытуемого в основном относится к “царице доказательств” (по А.Я. Вышинскому), то дальнейшее развитие НТП в сегменте полиграфа с высокой степенью вероятности приведет к тому, что сам испытуемый в развитие своих правильных ответов на вопрос будет отыскивать объективные им подтверждения (например, не только признаваться к совершению им кражи, но и указывать место ухоронения украденного). Печально, но морально-нравственные запреты на подобные разработки и их практическое применение остановят не всех исследователей.

Сюда же и с той же относительной ценностью следует причислить и результаты применения пенталгина натрия (“сыворотки правды”) и тому подобные достижения НТП.

Третий этап достижений НТП, важных для правосудия (или второй в линейке абсолютных доказательств), сравнительно новый — это открытие метода анализа ДНК. Данный метод был открыт и начал внедряться в правоприменительную, в том числе в судебную, практику, как известно, сравнительно недавно — немногим более 20 лет назад. При идентификации следов человека его возможности во много раз превосходят возможности дактилоскопического метода, и к настоящему времени метод ДНК — идентификации является методом самой высокой доказательственности для правосудия. Теперь появилась возможность идентифицировать человека, оставившего на месте или на орудии преступления, на любом предмете и проч. не только отпечатки своих пальцев, но и любую оставленную и принадлежавшую ему органику (слюна, кровь, моча, сперма, лоскутки кожи...). Для целей следствия (и правосудия) не обязательна полная книга генома конкретного человека, достаточен так называемый его генетический профиль.

Но метод анализа ДНК также дает безусловную гарантию (как доказательство по делу) — данный человек был там-то, держал в руках..., прикасался к..., что подтверждается оставленными именно им микрочастицами его собственной органики.

Пока данный метод хотя и абсолютно надежен, он недостаточно широко распространен: проведение анализа ДНК занимает немалое время. Кроме того, это — дорогостоящая процедура. Тем не менее его применение позволило оправдать нескольких десятков заключенных в США, осужденных к смертной казни с отсрочкой исполнения, и приговорить их к пожизненному заключению либо к длительным срокам заключения 20 и более лет назад за изнасилование с убийством и иные схожие преступления. Благодаря тому, что в деле хранились в качестве вещественных доказательств тампоны со спермой насильника, собранной судмедэкспертами при осмотре потерпевших (и исключительно благодаря длительным, настойчивым, многократным ходатайствам адвокатов осужденных), проведенными анализами ДНК (эти дела никак между собой не были связаны, но о них много было передач по международным и зарубежным теленовостям и иным СМИ несколько лет назад) было установлено, что в этих тампонах не их сперма. Отбывшие длительные сроки заключения вследствие судебных ошибок (если бы, когда их осудили, можно было провести анализы ДНК и их провели бы в реальности, этих ошибок не было бы, их попросту не привлекли бы к уголовной ответственности) были отпущены на свободу соответствующими судебными решениями.

Метод анализа ДНК, многократно по эффективности и спектру потенциальных возможностей превосходящий дактилоскопический метод, также многократно уменьшает в ряде случаев сомнения выносящему приговор судье в вопросе о том, совершил ли данный подсудимый данное преступление. Конечно, идентификация подсудимого со слюной на сигарете, оставленной на месте преступления, не служит неопровержимым доказательством совершения им данного преступления, не показывает тем более степень его вины в данном преступлении и т.д., но стопроцентно доказывает: подсудимый был там-то (или в руках держал то-то), что по многим уголовным делам определяюще важно.

Как метод, анализ ДНК делает еще первые шаги. В силу длительности проведения самого анализа он пока малодоступен, соответственно, и для правосудия, которому, особенно при рассмотрении вопроса о даче судьей санкции на арест подозреваемого в качестве меры пресечения, дорог буквально каждый час. Но и здесь НТП стремительно развивается, и явно вскоре будет создан прибор, способный

в течение буквально нескольких часов (даже минут), используя генетический материал, выявить генетический профиль человека, который для каждого уникален. Можно представить, каким эффективным для правосудия вообще и в качестве способа уменьшения сомнений судьи и, соответственно, уменьшения числа судебных ошибок в особенности этот метод станет через следующие 15 лет.

Сам же организационно-правовой механизм правосудия также развивался, приспособляясь к требованиям времени, в том числе к уровню НТП, усложнялся, специализировался, впитывая в себя результаты достижения НТП. В настоящее время этот механизм состоит, условно говоря, из трех сегментов: судостроительной, судопроизводственной и судейско-статусной, и подлинная специализация суда как органа правосудия может быть обеспечена совокупностью всех трех специализированных составляющих.

В нашей стране, как это провозглашено ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Соответственно, в идеале правосудие должны осуществлять судьи, специализирующиеся на одном из этих четырех видов судопроизводств (точнее — специально для этого изначально отобранные и назначенные); это правосудие должно осуществляться в специализированных по одному из четырех видов судебных органах (еще лучше — в специализированных судебных системах), созданных с соответствующей специализированной инфраструктурой; и это правосудие должно осуществляться на основе специализированного процессуального законодательства. Пока у нас, как известно, дело обстоит далеко не так, но об этом — не здесь.

Вместе с тем уже сейчас судьи нередко сталкиваются с проблемой огромной по объему доказательственной базы по конкретному делу. Ситуация, когда в зал судебного заседания арбитражного суда судья для рассмотрения дела о банкротстве предпринимательской структуры входит, толкая тележку (типа той, которой пользуются покупатели в супермаркетах) с десятками томов арбитражного дела, — обыденное явление. Известный адвокат А. Кучерена рассказывает: «Однажды мне пришлось столкнуться с обвинительным заключением, объем которого составлял 19965 страниц текста»³. Учитывая, что в среднем судебное дело составляет (по нормативу) 150 листов текста, несложно представить весь совокупный объем этого дела, где обвинительное заключение

³ Известия. 2017. 26 сент.

занимает не очень уж значительную часть. Перевод в “цифру” этого гигантского бумажного материала ситуацию ни в какой части не облегчит — ведь судья должен не просто прочитать все материалы всех томов дела, он должен их тщательно проработать, проанализировать до начала процесса с тем, чтобы процесс (судебное следствие) вести на должном уровне. А главное — он должен оценить все находящиеся в деле и полученные в ходе судебного заседания доказательства наличия/отсутствия состава преступления по каждому эпизоду каждого подсудимого в этом деле (то же — в иных видах судопроизводства со своими особенностями).

При таких объемах материалов это сделать весьма затруднительно (что на бумажных, что на электронных носителях) и, видимо, иногда попросту физически невозможно, что, не исключено, приводит к поверхностной, интуитивной оценке судьей многих доказательств по делу. Увеличение числа судей, «включение» в процесс судебных заседателей (в уголовный — присяжных, в арбитражный — арбитражных) не только не облегчает ситуацию, но, наоборот, ее усложняет, поскольку судье приходится общаться и с заседателями. Выход из положения — соответствующая разработка необходимых электронных технологий, создание нужных компьютерных программ, т.е. дальнейшее в этом векторе развитие НТП, но только в помощь судье-человеку, не заменяя его.

И здесь есть определенное продвижение вперед. Например, в сфере организации судопроизводства это — аудиовидеофиксация судебного процесса: видеоконференц-связь с удаленным от суда участником судебного процесса; рассылка судебных «повесток» в форме СМС; широко используется государственная автоматизированная система (ГАС) — “Правосудие”... Успешно развиваются различные методики проведения самых разнообразных судебных экспертиз...

А в более широком плане — в нашей стране уже действует исследовательский центр “Робоправо”, разрабатывается проект конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте и т.д., т.е. отношения человек (общество) — робот входят в урегулированное законодательством русло. И нельзя сказать, что эта проблематика находится вне поля интересов отечественной правовой науки⁴, да

и зарубежной⁵. Но подобные исследования — инициативы самих авторов, а ведь здесь должен проявиться государственный интерес. Поэтому заказчиком этих НИР должен быть, безусловно, государственно-властный орган, не понаслышке знающий, что такое реальное правосудие, могущий четко сформулировать соответствующее задание и обеспечить по его выполнению государственную приемку результатов НИР. В идеале таким государственно-властным (несудебным) органом мог бы стать Совет судебной власти РФ, разрабатывающий стратегию развития механизма судебной власти и отвечающий за реализацию этой стратегии⁶. Верховный Суд РФ в силу ст. 126 Конституции РФ — высший судебный орган по судебным делам, осуществляющий судебный надзор за деятельностью судов и дающий разъяснения по вопросам судебной практики, и на роль названного органа претендовать не может. К тому же, если его наделить функциями Совета судебной власти РФ, его закрепленные в ст. 126 Конституции РФ функции стали бы для него с неизбежностью второстепенными. Все федеральные органы судейского сообщества тем более на роль названного органа не годятся. Стоит заметить, что в половине государств мира такой орган, конституционно провозглашенный, есть, да и в России он реально мог появиться дважды — в 1993 г. и в 2001 г.

Но — не состоялось, и поэтому развитие всего (всех звеньев и органов) организационно-правового механизма судебной власти России формируется вне какой-либо стратегии, беспланово и спорадически. И главные проблемы правосудия не решаются.

В том числе названный механизм далеко не в полной мере воспринимает развитие и достижения НТП. А ведь современный уровень НТП характеризуют (вчерне и общо) искусственный интеллект, роботизация, цифровизация, блокчейны, генная инженерия, противоправность таких вероятностных видов оружия, как климатическое, генетическое, геомагнитное, психотронное и т.д.

Эти и тому подобные достижения НТП с неизбежностью влияют на жизнедеятельность общества и, к сожалению, не всегда в положительном направлении. Вообще-то ведь НТП индифферентен как к добру, так и ко злу. Электричество, например, светит, греет и обеспечивает работу компьютеров, но

⁴ См., напр.: *Лаптев В.А., Соловьяненко Н.И.* Электронное правосудие и электронный документооборот как условие модернизации регуляторной среды для бизнеса // *Росс. судья.* 2017. № 2; *Селина Е.В.* Электронное и дистанционное правосудие: вызовы времени и перспективы // *Администратор суда.* 2016. № 3; *Лаптев В.А.* Ответственность “будущего”: правовое существо и вопрос оценки доказательств // *Гражданское право.* 2017. № 3.

⁵ См., напр.: *Шаринов А.К.* Электронное правосудие в Республике Казахстан как фактор укрепления доверия населения к судебной власти // *Судья.* 2017. № 10. С. 23–27.

⁶ Модель такого органа с обоснованием его необходимости разработана (см.: *Клеандров М.И.* О Совете судебной власти Российской Федерации. М., 2016).

также способствует казни на электрическом стуле, а на других “стульях” — пыткам. Да и Интернет не однозначен — с его помощью и восхваляют хороших людей, и на них же клеветают. К тому же преступники используют достижения НТП не только для совершения преступлений, но и с целью скрыть свою преступную деятельность. Поэтому указанные достижения влияют и на специализированное правосудие: на административное (прежде всего фиксация, т.е. создание доказательственной базы, дорожно-транспортных происшествий); гражданское (прежде всего в вопросах права, собственности, особенно в спорах по наследству, где часто требуется анализ ДНК); конституционное (впору ставить вопрос о неконституционности актов, обеспечивающих возможности развития некоторых направлений НТП), и особенно уголовное.

Здесь можно проследить уже целые направления высокотехнологических преступлений: разрушение Интернет-инфраструктуры банков, хищения в крупных размерах, в том числе в криптоиндустрии, создание Интернет-финансовых пирамид, организация детских суицидов; создание электронного игорного бизнеса, кража аккаунтов, шантаж (в форме угрозы публикации компрометирующих видеофайлов и переписки, блокады вирусом-шифровальщиком компьютера с предложением деблокады за незначительную сумму), крипто-валютное мошенничество, противоправное изъятие органов или тканей человека для трансплантологии; деятельность по противоправному созданию и использованию специальных научно-технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и многое иное.

Расследовать эти преступления, собрать, обобщить и проанализировать доказательственную базу по каждому деянию, дать юридическую оценку собранным доказательствам — это не просто профессиональная деятельность, подчас — высокопрофессиональная, граничащая с искусством, это также сфера соответствующей правовой регламентации, определенное правовое поле. И научный интерес к ней возник не сегодня. Почти 20 лет назад В.А. Панюшкин указывал: “Таким образом, правовая регламентация использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве должна отвечать следующим *требованиям*: 1) полноты; 2) связи с практикой; 3) стабильности (прогностичности); 4) динамичности; 5) учета положения личности в уголовном процессе; 6) оптимальности сочетания общих правовых предписаний с конкретными, дозволенности — с обязательностью; 7) использования опыта законодательной регламентации зарубежных госу-

дарств”⁷. Развитие идей о НТП в уголовном судопроизводстве прослежено и в совместной работе Д.В. Зотова и В.А. Панюшкина⁸.

Ни в какой мере эти положения своей значимости не утратили и к настоящему времени. И достижения здесь есть, и немалые, и не только в России. Например, профессор кафедры правоведения Восточноукраинского национального университета им. В.И. Даля (г. Луганск) в 2010 г. писал: “Последнее время участвую в разработке автоматизированной информационно-аналитической системы УВД Луганской области, благодаря которой впервые в Украине порядка одной трети преступлений раскрывается, буквально не выходя из кабинета. Без математики, понятно, и там, и здесь в принципе делать нечего”⁹.

Особенно проблематичными и непредсказуемыми для правосудия представляются настоящие и будущие достижения НТП-роботизации, о чем в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 ничего не говорится¹⁰.

Вместе с тем в научной юридической литературе ведется дискуссия о присвоении роботам правового статуса “электронных лиц”¹¹, но главное здесь — когда роботы (в широком смысле этого понятия) станут субъектами права. Обусловлено ли это поступью НТП? Недееспособными, ограниченно дееспособными, полностью дееспособными юридическими лицами, какими-то новыми (в правовом смысле) субъектами... Субъектами права в самых различных формах их могут признать в отдельных

⁷ Панюшкин В.А. Научно-технический прогресс и проблемы разработки нового УПК России: необходимость и основные требования к правовой регламентации достижений научно-технического прогресса в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1 (2). В редакционном примечании к данной статье указано, что приводимая статья впервые опубликована в сборнике научных работ: Правовая наука и реформа юридического образования / под ред. Ю.Н. Старилова. Вып. 8. Воронеж, 1998. С. 271–278.

⁸ См.: Зотов Д.В., Панюшкин В.А. Развитие идей о научно-технических достижениях в уголовном судопроизводстве в работах ученых юридического факультета Воронежского государственного университета // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 40–50.

⁹ Розовский Б.Г. Проблемные вопросы законотворчества в обеспечении экономической безопасности Украины // Экономико-правовые исследования в XXI веке: правовое обеспечение экономического суверенитета Украины в условиях углубления международной интеграции: материалы Шестой междунар. Интернет-конф. (г. Донецк, 21–30 сентября 2010 г.) / науч. ред. В.К. Мамутов. Донецк, 2010. С. 45.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6887.

¹¹ См. подробнее: Ястребов О.А. Дискуссия о предпосылках для присвоения роботом правового статуса “электронных лиц” // Вопросы правоведения. 2017. № 1. С. 189–202.

государствах и на международном уровне, но ведь и какой-либо кибернетический супермозг может потребовать признания его субъектом права, а то и явочным порядком провозгласить себя таковым... А это значит, что он станет стороной в правоотношениях, собственником того или иного имущества, участником судебных процессов... Сможет ли он стать судьей?

Ведь судью, как и каждого человека, индивидуума, характеризуют: склад ума, черты личности, свойство души, особенности характера, нравственные доминанты, уровень психо- и стрессоустойчивости, индивидуальные духовные особенности (интеллект, индивидуальность, самоуважение...) и т.д. Особняком (либо центральным в этом ряду) находится врожденное (в меньшей мере — благоприобретенное) чувство справедливости. Его, видимо, в принципе невозможно отцифровать, хотя теорией справедливости наука занимается основательно¹², и, как отмечается в литературе, по некоторым подсчетам, в названном исследовании Дж. Роиза представлены до 700 подходов к пониманию справедливости¹³.

Кроме того, и это исключительно важно, современный российский судья осуществляет правосудие в условиях обязанности(!) применения нормативных предписаний на крайне несовершенном и противоречивом правовом поле. Так, в докладе “Контрольно-надзорная деятельность в Российской Федерации”, подготовленном Министерством экономического развития РФ совместно с Высшей школой экономики и Российским союзом промышленников и предпринимателей, указано, что в стране действуют 102 разрешительных режима, которые можно отнести к лицензированию, хотя формально лицензии должны получать лишь 66. Перечни других типов и вовсе не закреплены. Всего выявлен 541 вид разрешительной деятельности — это в два раза больше, чем видов госконтроля, и 28 режимов действуют фактически незаконно, для 54 отсутствует надлежащее регулирование, а порядок 240 установлен только ведомственными документами¹⁴. В российских регионах и муниципалитетах приняты и действуют, как показала проверка Генеральной прокуратуры, проведенная в первой половине 2017 г., 94.2 тыс. законов и постановлений, противоречащих федеральным нормам¹⁵. Правительство и госорганы принимают, как

считают в Правительстве РФ, более 6 тыс. нормативных правовых актов в год, заметная часть из которых корректирует существующие правила и вводит новые требования к предпринимателям. А избыточных требований к предпринимателям, по мнению “Опоры России”, насчитывается около 2 млн¹⁶. Обращения в суды, в том числе в Конституционный Суд РФ, с ходатайствами об отмене подобных актов крайне малорезультативны: современная судебная система в целом, а современное судопроизводство в особенности, к подобной массовости обращений не приспособлена в принципе. Да и не должна приспособливаться.

Если к этому добавить, что из 4.5 тыс. федеральных законов, действующих сегодня в России, лишь 1 тыс. имеет собственный предмет регулирования¹⁷ и что проведенной Институтом проблем государственного языка Санкт-Петербургского государственного университета экспертизой 36 тыс. нормативных правовых актов (185 млн страниц текста — во всяком случае эту цифру называет автор статьи Н.М. Кропачев — ректор СПбГУ в указываемом источнике), изданных органами власти и управления Северо-Западного федерального округа в 2014 г. на предмет соблюдения в них норм государственного русского языка, выявлены многочисленные случаи неопределенности, двусмысленности формулировок, и в результате смысл этих актов “как-то” понимают лишь от 3.5 до 20% граждан¹⁸, то картина с качеством правового поля для нужд правосудия складывается удручающая, а для судьи-робота — явно неподъемная. Здесь любой робот, действующий на основе причинно-следственной (казуативной) логики (а другой у них ещё долго не будет), попросту “перегорит”.

Если неумолимая поступь НТП в правосудии усилиями эффективных менеджеров все же приведет к появлению судей-роботов, то они будут учитывать всю возможную совокупность материалов, все отягчающие и смягчающие вину подсудимого обстоятельства и т.д. и, не исключено, будут в результате приговаривать подсудимого за бродяжничество, например, к шести месяцам домашнего ареста. А что бродяжничество станет преступлением — также весьма вероятно: ведь волей эффективных менеджеров законодателями (тоже не исключено) станут роботы. А уж решение судьей-роботом так называемого “казуса Подъячего”, жителя Крыма, который осенью 2008 г. подал в один из украинских судов два иска об отмене Конституции Автономной Республики

¹² См., напр.: *Роиз Дж.* Теория справедливости / пер. с англ.: В. Целищев, В. Карпович, А. Шевченко. Новосибирск, 1995.

¹³ См.: *Момотов В.В.* Эффективность правосудия в контексте правовой культуры: сравнительно-правовой анализ // Судья. 2017. № 10.

¹⁴ См.: Коммерсант. 2017. 17 июля.

¹⁵ См.: Известия. 2017. 11 окт.

¹⁶ См.: Коммерсант. 2017. 23 марта.

¹⁷ См.: Росс. газ. 2012. 13 нояб.

¹⁸ См.: Известия. 2016. 27 июня.

Крым и о возвращении Крыма в состав России, за что в 2011 г. был украинским судом осужден по ст. 110 (посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность страны) УК Украины и в связи с этой судимостью 31 декабря 2015 г. был уволен из Крымского федерального университета, можно предопределить без колебаний, если уж судья-человек (Киевский районный суд г. Симферополя) такое увольнение своим решением от 27 июля 2017 г. признал законным¹⁹.

Но, может быть, подобный казус сможет решить судья-робот с суперинтеллектом (далеко продвинутым в рамках НТП)? Однако тут налицо иная опасность: если Илон Маск, Билл Гейтс, Стивен Хокинг и Нил Бостром на первой сессии группы правительственных экспертов ООН открытого состава Конвенции о негуманном оружии по смертоносным автономным системам вооружений считают суперинтеллект одной из возможных величайших экзистенциальных угроз человечества²⁰, то страшно подумать, какие судебные акты будет принимать судья-робот с суперинтеллектом, который, обладая свободой воли, сам поведет себя в собственном развитии познания собственных целей правосудия. А ведь судебный акт в своей основе судья-человек выносит, исходя из личного жизненного опыта, собственного менталитета и даже сиюминутного настроения в процессе выслушивания выступающих в судебном процессе. У другого же судьи-человека эти исходные основания не могут быть идентичными в принципе — они всегда иные. В этом-то и значении судьи-человека как личности.

И в добавление к сказанному: еще в 1924 г. Верховный судья Англии лорд Хьюарт сказал: «Правосудие не просто должно свершиться. Все должны увидеть, что правосудие свершилось». В случае вершения правосудия роботом, пусть и роботом-сверхинтеллектом, публичный воспитательный эффект будет отсутствовать напрочь.

Вместе с тем стоит отметить, что в системе современных координат правосудия в отдельных случаях судьи-роботы могут быть допущены к осуществлению процедур правосудия (но не в качестве принимающего судебное решение) по тем делам, где уровень удовлетворяемости требований судами (людскими) сейчас близок к процентному, — о взыскании, например, налоговых недоимок, задолженностей по коммунальным платежам и т.п. Но ведь здесь и спора, по существу, нет. Подобные категории дел должны, безусловно, решаться во внесудебном порядке, правда, с воз-

можностью судебного оспаривания результатов их внесудебного разрешения, что также — движение НТП в механизме правосудия.

А что вообще во все века, во всем мире, и в том числе сегодня в нашей стране, является главной проблемой механизма правосудия?

Очевидным ответом наверняка будет (как вариант 1): вынесение судьей справедливого (а ведь чисто человеческая категория справедливости так же непознаваема, как счастье, любовь, ненависть, совесть, патриотизм, удовольствие, честь, достоинство и т.д. Мы все это чувствуем, ощущаем, но, похоже, — не мозгом! Однако многие из этих категорий имеют статус нормативно-правовых, закреплённых в законе, например справедливость — в преамбуле Конституции РФ, в ст. 6 УПК РФ; совесть — в ч. 1 ст. 19 УПК РФ; честь и достоинство — в ст. 9 УПК РФ... Но ведь известно, что норма права становится действительно нормой права, когда какой-либо судья применит её в конкретном деле. Ни один судья-робот здесь не справится), полностью основанного на исследованных в процессе материалов и обстоятельствах дела финального судебного акта. Здесь исключительно важна проблема судейского познания — познание именно судьей при рассмотрении конкретного дела всей совокупности материалов дела и информации, по нему полученной в ходе судебного процесса. И это — правильная оценка данной проблемы, потому что здесь судья проводит серьезную аналитическую работу, весьма схожую, а по многим параметрам идентичную научно-исследовательской. И от ее результатов напрямую зависит правильность, точность избранного судьей решения по делу. Ведь львиная доля отмен судебных актов, вынесенных в первой инстанции, вызвана в той или иной мере их дефектностью. Составление окончательного судебного акта по рассмотренному делу на уровне, близком к идеалу, чтобы не только стороны, но и вышестоящие судебные инстанции «ни в чем придраться не смогли», — апофеоз теоретических и практических знаний судьи и вместе с тем — большое искусство и одновременно важная практическая и научная проблема. Вообще же проблема судебного познания весьма сложна, недаром ей посвящаются основательные научные исследования²¹.

Но не менее очевидным будет взгляд, согласно которому (как вариант 2) главная здесь проблема — судейское усмотрение, необходимость в границах судейской дискреции, в рамках (в уголовном,

¹⁹ Росс. газ. 2017. 10 окт.

²⁰ Коммерсант. 2017. 15 нояб.

²¹ См., напр: Амосов С.М. Судебное познание в арбитражном процессе. М., 2003.

например, судопроизводстве) санкции по конкретной статье УК РФ “попасть в десятку”, определить максимально адекватную содеянному подсудимым меру наказания. Если санкцией статьи предусмотрено “от двух до пяти”, то с учетом всех смягчающих и всех отягчающих обстоятельств по делу для судьи все равно остается вилка “от трех до четырех”, и для осужденного эта вилка чрезвычайно важна, что любой судья прекрасно осознает, и выбор меры наказания в рамках этой оставшейся вилки для него — очень серьезная проблема. Это вообще (объективно) — сложная проблема. Недаром судейскому усмотрению посвящаются солидные научные работы, выполненные как отечественными²², так и зарубежными²³ исследователями; проводятся и научные конференции²⁴.

Но вообще-то, по мнению автора, проблема судейского усмотрения имеет и еще одну грань. Целый ряд видов наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ, и прежде всего лишение свободы на установленный срок, исчисляется месяцами. Но для отбывающего уголовное наказание даже минуты нахождения в заключении весьма значимы. Поэтому в идеале судейское усмотрение должно заключаться в возможности для судьи назначить наказание с учетом всех доказательств (про- и контра) по делу, личности преступника, всех отягчающих и смягчающих обстоятельств (и все это — на базе будущих достижений НТП), максимально исчисляемое днями и часами, адекватное преступлению. А например, Верховный суд Пакистана приговорил премьера страны Юсуфа Резу Гилани по статье, предусматривающей до шести месяцев лишения свободы, к 30-тисекундному (!) заключению (но при этом в Пакистане гражданин, приговоренный к уголовному наказанию (любому), в течение пяти лет не имеет права занимать государственные должности)²⁵.

Весьма значимой в этом ряду можно посчитать крайне острую ныне для нашего общества проблему (как вариант 3) чрезмерной судебной нагрузки, особенно для мировых судей и судей арбитражных судов субъектов Российской Федерации. И тоже правильно, ибо существующая для них сегодня

даже средняя нагрузка кратно превышает научно обоснованные нормативы и подчас просто человеческие, физиологические и психологические, возможности, что на качестве осуществляемого правосудия в целом по стране не сказываться самым серьезным образом попросту не может. На это, учитывая рост числа обращений граждан и организаций в судебные органы, обратил серьезное внимание IX Всероссийский съезд судей²⁶.

Этот ряд можно наверняка продолжить. И, тем не менее, по мнению автора (субъективному), разумеется, главная проблема правосудия (как вариант 4, фокусирующаяся в конечном итоге для судьи, выносящему судебный акт) заключается в качестве доказательственной базы по делу, причем для всех видов судопроизводств, за исключением конституционного, где фактические обстоятельства по делу не исследуются.

Наиболее “выпукло” это проявляется в уголовном судопроизводстве. Здесь главная проблема осуществляемого судьей при рассмотрении конкретного уголовного дела заключается в осознании им в большей или меньшей степени субъективной уверенности в том, совершил ли именно данный подсудимый инкриминируемое ему по данному делу деяние. Весь фокус именно в поиске ответа на вопрос: точно он или все-таки, быть может, другой?

Пожалуй, классический пример: подсудимый был схвачен, что называется, за руку в позиции: он наклонился над жертвой, умершей от ножевой раны, с поднятой над телом жертвы рукой, в которой находился нож, и именно этим ножом была нанесена смертельная рана. По мнению следствия и поддерживающего обвинение в судебном заседании прокурора, подсудимый нанес смертельный удар жертве и, подняв руку с ножом, намеревался нанести жертве повторный удар, но подоспевшими гражданами (или полицией) был схвачен в прямом смысле за руку. По словам подсудимого, подкрепляемым выступлениями адвоката, проходя мимо лежащего человека, он увидел, что тот хрипит и дергается, а в груди у него торчит нож. Подсудимый, естественно, не задумываясь о последствиях, наклонился над лежащим и вытащил из его груди нож, чтобы облегчить страдания раненого, но именно в этот момент был “схвачен за руку” подоспевшими прохожими (полицией).

²² См., напр.: Папкова О.А. Усмотрение суда. М., 2005; Тарусина Н.Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль, 2011; Телятников В.И. Убеждение судьи. СПб., 2004.

²³ К примеру: Аэрон Б. Судейское усмотрение / пер. с англ. М., 1999.

²⁴ См., напр.: Судейское усмотрение: понятие, основания, пределы: материалы VI-й Межрегион. науч.-практ. конф. М., 2015.

²⁵ См.: Росс. газ. 2012. 27 апр.

²⁶ Постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 “Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе” // Росс. правосудие. 2017. № 2 (130). С. 9–29.

Фабула дела обнажена полностью, а все сопутствующие обстоятельства здесь вторичны. Вторичны прежде всего для судьи, рассматривающего это дело, который, конечно, должен учесть и личности жертвы и подсудимого, и каким образом, по каким причинам они оказались оба на месте преступления, и многое другое. Но упростим ситуацию, взвесив все главное, второстепенное и сопутствующее. Судья оказывается в ситуации: кому верить — обвинению или защите? Если бы были объективные доказательства по делу, например запись видеокamеры с дома напротив места происшествия либо на худой конец свидетель происшествия (который по тем или иным причинам мог говорить и неправду, даже будучи предупрежденным об ответственности за дачу ложных показаний и задача судьи — это увидеть), то для судьи ответ на главный вопрос, ударил ли ножом подсудимый жертву, был бы очевиден (хотя не всегда однозначен). Но если такого главного доказательства нет, то у судьи, принимающего и принявшего все-таки при всех сомнениях решение, практически всегда (за исключением редких случаев появления новых или вновь открывшихся по данному делу обстоятельств) останется сомнение, ударил ли подсудимый жертву ножом или подсудимый вытащил нож из раны, а смертельный удар ножом нанес кто-то другой, следствием не установленный, как утверждал и сам подсудимый, и его адвокат. И, что важно, такое сомнение возникнет и будет сохраняться у самого судьи независимо от того, вынесет ли он обвинительный или оправдательный приговор.

При этом абсолютно не исключено, что судья (и явно больше половины судей в мире, оказавшись на его месте), осознавая отсутствие у него стопроцентной уверенности в том, что именно подсудимый нанес жертве смертельный удар, подсознательно снизит, вынося приговор, меру наказания по сравнению с той мерой наказания, которую он определил бы подсудимому, будучи абсолютно уверенным в том, что именно подсудимый нанес эту смертельную рану. Во благо ли торжества справедливого правосудия такая ситуация вообще и в плане судейского усмотрения, в частности? Отнюдь. Но она, по сути, неизбежна, ибо любой российский судья, выносящий приговор по делу с описываемым сюжетом, помнит историю с расследованием по делу Чикатило, когда несколько человек суды приговорили ошибочно за преступления, как потом выяснилось, совершенные Чикатило, к тяжким наказаниям, в том числе в двух случаях — к высшей мере, незамедлительно приведенной в исполнение. Очень маловероятно, что судьи, вынесшие эти приговоры, потом, когда открылась истина, могли успокоить свою совесть

мыслями о возможности или даже неизбежности (“ведь сам сознался, и доказано было”) судебной ошибки. Есть масса свидетельств подобных судебных ошибок и за рубежом, в том числе в США и в других странах с развитым демократическим строем, с “продвинутой” судебной системой.

В судебном — уголовном — процессе с участием присяжных заседателей эту чрезвычайно важную, главную для справедливого судебного решения ношу (ответ на вопрос, совершил ли данный подсудимый инкриминируемое ему деяние) берет на себя корпус заседателей, освобождая от нее судью.

С одной стороны, не уклоняется ли при этом судья от несения столь тяжелой ноши? Не перекладывает ли этот вид судопроизводственного механизма (притом во всем мире и очень издавна) ответственность с профессионального судьи на граждан, избранных для данного процесса произвольно и в тонкостях юриспруденции, в том числе в вопросах оценки доказательств, не сведущих, — прежде всего ответственность в форме могущих возникнуть в будущем в случае, если будет установлено, что данное преступление совершило другое лицо, нравственных переживаний и угрызений совести?

Но, с другой стороны, осуществление правосудия — это не исключительная прерогатива профессиональных судей. Таково положение дел во всем мире, в России оно прямо базируется на положении Конституции РФ (ч. 5 ст. 32), гласящем, что “граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия”.

Но главное — вынесенный присяжными вердикт (ответ на вопрос: данный подсудимый совершил или не совершил инкриминируемое ему деяние) освобождает (может быть, не полностью, пусть даже частично) судью от принятия самостоятельного решения (ответа на этот вопрос), соответственно, от моральной для самого себя ответственности за ошибки в ситуации неясности для него (совершал — не совершал). И в этом случае судья, естественно, способен с большей вероятностью вынести адекватное судебное решение без опасения совершения главной судебной ошибки — а вдруг он ошибся, и преступление совершил не подсудимый.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать главный, базовый вывод: чем неопровержимее, надежнее, ближе к 100% доказательство по делу в ответе на вопрос, совершал (не совершал) подсудимый инкриминируемое ему преступление, тем меньше в осознании в первую голову самим судьей вероятность совершения им судебной ошибки, тем самым выше гарантия вынесения им более адекватного содеянному подсудимым судебного

решения. Пожалуй, в многокомпонентной проблематике судебного усмотрения это — самое главное. Ведь любой приговор можно обжаловать (да и подвергнуть общественному осуждению) в основном по двум основаниям: насколько “надежно” доказана вина подсудимого (а здесь, если событие преступления не вызывает сомнения, первое и главное — насколько “надежно” доказано, что именно данный подсудимый совершил это преступление) и насколько адекватно вынесенное судьей наказание содеянному подсудимым. В данном случае речь идет о первом основании.

Можно с осторожностью предположить, что количество противников смертной казни существенно уменьшилось бы, если бы резко сократилась (в идеале — до нуля) вероятность судебной ошибки вследствие повышения (в идеале — до 100%) доказанности совершения именно подсудимым инкриминируемого ему преступления, особенно если само преступление — чрезвычайно тяжкое.

Можно ли повысить эту степень доказательственности в основном (для судьи прежде всего) вопросе (совершал/не совершал), а следовательно, уменьшить уровень сомнений судьи при вынесении им судебного решения (“а вдруг подсудимый не совершал преступления, и я, признав его преступником, возьму грех на душу”) и в конечном итоге значительно снизить вероятность ошибки, тем самым сведя к минимуму (как ни странно, здесь это было бы во благо) судебское усмотрение?

Общеизвестна классификация судебных доказательств: прямые и косвенные, устные, письменные, вещественные и т.д. Но для многих, если не для всех, судей наверняка желательным было бы их иное деление: на относительные и абсолютные. И наличие абсолютного доказательства по делу, абсолютного по доказательственной силе ответа на обозначенный выше главный вопрос (совершал/не совершал) — мечта любого судьи. Можно ли надеяться на то, что роль таких абсолютных доказательств и, соответственно, абсолютных по степени доказанности ответов на главный вопрос будет со временем возрастать?

Можно — этому способствует неумолимая поступь НТП.

В настоящее время в России в рамках реализации Федеральной целевой программы “Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы”, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 (в ред. от 23.12.2016 г.), создаются условия для широкого использования современных информационно-коммуникационных технологий в судебной деятельности, что для

этого в правосудии требуется системный подход²⁷. По мнению Н.А. Петухова и Е.В. Бурдиной, “для становления надлежащей практики использования цифровых технологий при отправлении правосудия должны быть созданы: процессуальные правила, регулирующие их применение; технические стандарты для оборудования и программного обеспечения; техническое обслуживание и ремонт оборудования; правила делопроизводства, учитывающие особенности применения электронных средств; профессиональная культура иного характера, основанная на учете закономерностей интеграции технических средств в судебную деятельность, что предполагает распространение передовой практики судебной деятельности, работу с кадрами и программы повышения их квалификации”²⁸.

В уголовном процессе к числу важных доказательств совершения преступления подсудимым издревле служит признание в этом самого подсудимого. Те признания подсудимых, которые во времена А.Я. Вышинского именовались «царицей доказательств», не базируются на достижениях НТП. Но уже признания, полученные с помощью применения соответствующих медикаментозных средств (пенталгина натрия, например), технических средств (полиграфа, например), средств определенного гипнотического воздействия (применяемого с целью помочь вспомнить забытое или “промелькнувшее” вскользь событие, следствием которого зачастую является получение доказательств невиновности подсудимого) и т.п. (не все они или не в полном масштабе легитимны), базируются на достижениях НТП. Абсолютным доказательством они, безусловно, не являются, но уровень их доказательственного значения высок.

Следует признать, что достижения НТП, интегрированные в механизм правосудия, с неизбежностью затрагивают проблему целеполагания в правосудии, ставят вопрос о некотором его изменении (смещении), что потребует изменения как ряда законоположений, так и правоприменительной практики (кстати, у судей-роботов явно будет отсутствовать внутреннее целеположение, во всяком случае его нравственно-этическая составляющая, как и какая-либо рефлексия...).

²⁷ См.: Долинская В.В. Источники права и официальные информационные ресурсы // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2017. № 10.

²⁸ См.: Петухов Н.А., Бурдина Е.В. Судебная система современной России: анализ соблюдения стандартов международного права (независимость судей, гласность правосудия и прозрачность судебной деятельности) // Росс. правосудие. 2017. № 9 (137). С. 49, 50.

Например, в процессе предварительного следствия (на досудебной еще стадии расследования уголовного дела) органы следствия нередко “арестовывают” имущество (компьютеры с жесткими дисками, оборудование, готовую продукцию, здания, сооружения и т.д.) предпринимательских структур по различным основаниям, и оно считается “приобщенным к материалам дела”. Судебная практика в удовлетворении жалоб на такие действия органов предварительного следствия обычно отказывает. Оборудование немалой стоимостью в таких случаях месяцами простаивает, сотни людей не получают зарплату... Цели следствия и цели экономики вступают в противоречие. При этом первые здесь весьма неопределенны, а вторые — сдвигаются, и сама экономика, в том числе в масштабе всей страны, несет серьезные убытки. Это — важная задача НТП для механизма правосудия.

Пока в России нет уголовной ответственности юридических лиц. Но это — дело ближайшего будущего. Сразу следует признать, что ограничение уголовной ответственности тех юридических лиц, где соответствующие службы предприняли все максимально возможные меры для предотвращения преступных деяний собственных сотрудников, явно выгодно обществу и государству, хотя и заглаживает причиненный потерпевшим вред, сотворенный работниками юридического лица от его имени (в его интересах и проч.), необходимо, но это уже — дело частного, а не уголовного права. Из сказанного следует, что старые подходы к цели уголовного наказания физических лиц при введении уголовной ответственности юридических лиц неприемлемы — необходима смена (как минимум, смещение) целеполагания уголовной ответственности. И здесь — проблема прежде всего научного характера, для НТП в правосудии.

Не менее значимой является необходимость смены (смещения) парадигмы целеполагания уголовной ответственности и в делах с определенным субъектным составом, например в уголовных делах, в основе которых лежит конфликт между соседями отдаленных сельских поселений. Эти “завраждавшие” между собой соседи (а нередко они же — и родственники) десятилетиями жили рядом, росли, учились, дружили и т.д. Разбор уголовного дела, в основе которого лежит ссора между ними, проведенный по всем существующим на сегодня канонам правосудия и приведший к вынесению полностью законного, основанного на фактических обстоятельствах и материалах дела приговора, устоявшего при его обжаловании в вышестоящих инстанциях, к чему в дальнейшем может привести? Цель всего процесса по этому делу: установление

истины и ее правовая оценка судебным актом, достигнута. Но достижение этой цели в подобном деле способно повлечь (и наверняка в подавляющем большинстве случаев повлечет) возникновение устойчивой неприязни между осужденным и потерпевшим, далее — между их детьми, между родственниками и так — по нарастающей. В ряде же мест нашей огромной и разнообразной по этническому составу населения страны оно способно повлечь и проявления кровной мести. А значит, целеполагание в подобных процессах (с таким субъектным составом его участников) должно быть иным — суд в первую очередь должен будет стремиться примирить стороны. И это — явно задача НТП в правосудии.

Но смена (смещение) целеполагания в судебном процессе по уголовному делу не должна затронуть вторую составляющую задачи суда — дачу правовой оценки тому, “что было”. Сфера установления того «что было», т.е. сфера сбора и оценки доказательств по делу, сменой (смещением) целеполагания не должна затрагиваться.

В рамках последующих достижений НТП должна усиливаться степень (уровень) доказательственной базы по судебному делу.

Здесь, по мнению автора, весьма перспективным представляется метод ментоскопирования (от лат. *mentis* — ум, мышление; образ мыслей). А прибор, использующий этот метод, — естественно, ментоскоп. Но его можно назвать и вериметром (верископом) — от лат. *VERITAS* — истина. Это — уже четвертый этап достижения НТП для целей правосудия (или третий в линейке абсолютных доказательств для суда). Он пока не открыт (по интуитивному предположению автора, произойдет это через 20–25 лет), но наверняка научные исследования, в том числе в “закрытых” лабораториях, в этом направлении ведутся во многих странах самым энергичным образом — слишком большие перспективы он открывает в сфере обороны, обеспечения безопасности, разведки, контрразведки, сыска... Речь идет не о миелофоне из известного фильма “Гостья из будущего”. По отрывочным (причем, что характерно, не самым свежим на эту тему) сообщениям СМИ, в этом направлении работают: доктор Моран Серф из США, канадский нейрохирург Уайлдер Грейвс Пенфилд, российские ученые из Отдела исследований мозга Научного центра неврологии РАН и др.

Но метод ментоскопирования давно “открыт” в фантастической литературе, где описан многовариантно в самом различном применении и использовании, включая возможность превращения человека (подчас неизбежность) вследствие

применения этого метода в полу- или в полного идиота, в “растение” и т.п.

В чем суть данного метода и чем он привлекателен для правосудия? В авторском представлении ответы на эти вопросы таковы. Исходный постулат: человеческая память чрезвычайно объемна, и все, что воспринимает человек через рецепторы своих пяти (или больше — остальные пока не открыты) органов чувств, сохраняется в его памяти. Воспроизводится же человеческой памятью сегодня — по желанию человека или произвольно — лишь малая доля хранящейся в его памяти информации о том, что он вообще в своей жизни видел, слышал, обонял, осязал, чувствовал на вкус... Задача, которая с неизбежностью в ходе неумолимого НТП будет решена, — создать прибор, который сможет извлечь эту скрытую в памяти человека информацию, поступившую к нему через его органы чувств. Кое-что в этом плане сейчас делается посредством погружения человека в гипнотический сон, но вследствие очевидности причин доказательственная сила воспроизведенной пациентом таким образом информации ничтожно мала и для целей правосудия крайне малоприспособна. Прибор же (“ментоскоп”, “верископ”) позволит (в идеале — для целей следствия и правосудия) воспроизвести (через головной шлем, естественно, без какой-либо лоботомии) на дисплее и через динамики, соответственно, зрительный и слуховой (остальные органы чувств здесь “задействовать” представляется излишним) блоки информации, поступившие в память человека через его зрение и слух в предельно конкретный, значимый для целей следствия и правосудия отрезок времени.

В приведенном выше примере, когда подсудимый был “повязан” с ножом в руке, занесенной над трупом, смертельная рана которому была (что однозначно устанавливается судмедэкспертизой) нанесена именно этим ножом (но никакая экспертиза однозначно не способна пока установить, этим ли подсудимым), “ментоскоп” позволит на дисплее увидеть суду и самому обвиняемому (безвариантно) следующий ход событий: зритель (значит, подсудимый) идет по тротуару (виден тротуар, шагающие ноги подсудимого и т.д.), видит лежащего на тротуаре человека с ножом в груди, подающего признаки жизни, видит, что он, зритель (значит, подсудимый), склоняется к лежащему, видит свою руку (т.е. руку подсудимого), вынимающую из груди лежащего нож, и т.д. Причем весь этот процесс можно будет записать на соответствующие информационные носители, неоднократно при необходимости воспроизводить, в том числе в замедленном режиме, в режиме стоп-кадра...

В итоге через минимально необходимое время судья выносит этому подсудимому оправдательный приговор. Впрочем, если ментоскопированию этот подсудимый был подвергнут не только в суде, но и раньше — на стадии предварительного следствия, дознания либо в ходе проведения самых предварительных оперативно-розыскных мероприятий в этом деле об убийстве, то он уж точно не был бы подсудимым.

Мог бы, разумеется, сюжет в воспроизведении “ментоскопа” быть и принципиально иным: в звуковом сопровождении — крик подсудимого: “Стой, гони деньги”, в зрительном — подсудимый догоняет убегающего гражданина, ударяет его ножом... У судьи, выносящего приговор, сомнений в том, что подсудимый — убийца (плюс за ним — разбойное нападение), не будет совершенно. А это позволит ему, не мучаясь сомнениями (“а вдруг подсудимый все-таки не убивал, вдруг я беру грех на душу, вдруг потом найдут настоящего убийцу и т.п.”), вынести приговор с полностью адекватным содеянному подсудимым наказанием и, что весьма немаловажно в человеческом измерении, с чистой совестью.

Разумеется, процесс “внедрения” ментоскопии в правосудие будет не простым и не одномоментным. Как минимум, здесь потребуются соответствующее серьезное процессуально-процедурное обеспечение:

а) наличие согласия подсудимого (на более ранних процессуальных стадиях — обвиняемого, подозреваемого...) либо закрепление в законе механизма проведения ментоскопирования без такого согласия с четким закреплением перечня оснований, условий и процедур принудительного ментоскопирования — в определенной мере по аналогии с принудительным дактилоскопированием, получением органической пробы для анализа ДНК и т.п.;

б) гарантированное, с участием (минимум — в присутствии) врачей, исключающих любые негативные для здоровья подсудимого последствия данного сеанса ментоскопирования;

в) гарантированное, может быть, в присутствии посторонних лиц (представителей СМИ, служителей религиозных организаций...) ментоскопирование только конкретного (до минут и секунд) временного периода жизни подсудимого, исключающего “подглядывание” в другие временные периоды жизни подсудимого, расцениваемые как нарушение неприкосновенности его личной жизни.

Очевидно, что овладение методом ментоскопирования повлечет много положительных последствий (в виде сокращения числа соответствующих сотрудников правоохранительных и судебных

органов, судей; сократится и преступность, поскольку раскрываемость преступлений резко возрастает), но будут и отрицательные, которые наши будущие поколения наверняка смогут минимизировать.

Сказанное здесь преследует важную цель: показать, насколько способно развитие НТП повысить качество осуществляемого правосудия, сократить число и уменьшить последствия судебных ошибок, а главное — сузить рамки судейского усмотрения по многим категориям дел и повысить уверенность судей в доказанности инкриминируемого подсудимому деяния, чем повысить адекватность выносимых судьями решений материалам и обстоятельствам рассматриваемых ими дел. Открытие и овладение методом дактилоскопии продвинули решение вопроса с абсолютным доказательством чуть-чуть; открытие и овладение методом анализа ДНК — немного (с его отработкой и развитием будет больше); а открытие и овладение методом ментоскопирования — много, по ряду категорий дел — до 100%.

Но ведь и это — не предел. Здесь в принципе предела нет и быть не может. В целях повышения эффективности механизма правосудия для вынесения максимально возможного по справедливости судебного акта значение имеет не только наличие абсолютного доказательства по делу. В уголовном судопроизводстве огромную роль играет и субъективная сторона состава преступления — психическое отношение совершившего преступление к своему деянию, его последствиям: прямой умысел, косвенный умысел, отсутствие умысла...

Как полагает известный ученый А.В. Федоров, «следует учитывать, что грех имеет место уже при появлении греховных мыслей. То есть еще ничего не произошло, не было никаких деяний, а человек уже согрешил. Это наглядно подтверждает постулат, что греховное не всегда преступно и греховные деяния часто не являются преступлениями, но совершенное преступление уже, как правило, есть грех и нарушение нравственных норм». Он указывает, что «преступление является нарушением законов государственных, безнравственное поведение — нарушением нравственных норм, образно говоря, законов человеческих, грех — нарушением соответствующих религиозных норм, законов Божьих»²⁹.

А проникновение в подсознание даст ключ к нравственным характеристикам личности. В принципе может быть построена полная психомодель испытуемого, что позволит определять глубинные черты его

личности и понять способен ли он совершить то или иное действие или имела место чистая случайность.

Поэтому можно предположить, что в своем развитии метод ментоскопирования обеспечит внешнюю фиксацию не только общей эмпатии испытуемого, но и его эмоционально-психического отношения к совершенному им деянию: от замысла до стадии субъективной оценки им последствий содеянного, что существенно повысит возможности правосудия в вынесении приговора, максимально адекватного совершенному преступлению. Значит, есть свет в конце туннеля, есть нашему обществу (и нашим судьям) на что надеяться в данном сегменте имеющихся сегодня проблем.

Действующие крупномасштабные программы научных исследований в России (например, Государственная программа РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)», утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313³⁰ (в ред. от 26.10.2017 г.), среди ожидаемых результатов реализации которой названо «обеспечение прав и свобод человека в информационном обществе»; Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642³¹, среди результатов реализации которой указано (в п. 36 б): «повысить качество жизни населения») и иные программные документы, которые широко обсуждаются в СМИ³², как и разрабатываемый в РАН проект Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочную перспективу, в идеале должны включать в себя и соответствующие разделы о НИР в целях повышения эффективности механизма правосудия. Главное, чтобы все эти планы, проекты и программы составлялись, утверждались и реализовывались на основе базисного консенсуса в обществе в рамках единой системы ценностей.

Ведь качество жизни людей определяется небольшим количеством параметров, в том числе и не поддающихся числовому выражению. И, пожалуй, основным из них является уровень (степень) социальной и правовой защищенности граждан, что, в свою очередь, предопределяется состоянием (также не исчисляемым в цифровых показателях) организационно-правового механизма правосудия государства. Само это состояние, тем более динамично развивающееся, определяется в немалой мере соответствующими достижениями НТП.

²⁹ Федоров А.В. Социальный контроль и коррупционные правонарушения юридических лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4 (65). С. 13.

³⁰ См.: СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. II), ст. 2159.

³¹ См.: СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6887.

³² См., напр.: Росс. газ. 2017. 14 июля; Поиск. 2016. 23 дек.; 2017. 17 марта; 14 июля, 17 нояб.; Коммерсант. 2017. 13 нояб.